

В. И. Ламанский

Живая старина

Выпуск 1. Год 4. Издание 1897 года

УДК 304
ББК 60.5
Л21

Л21 **Ламанский В.И.**
Живая старина: Выпуск 1. Год 4. Издание 1897 года / В. И. Ламанский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 136 с.

ISBN 978-5-4241-6594-8

ISBN 978-5-4241-6594-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ I

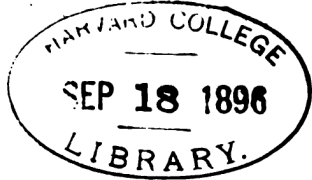
ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12.
1894.

27231.21

Minot fund.
(IV. V.)

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Деревня Будогоща и ея преданія¹⁾.

(Этнографическій очеркъ).

Деревня Будогоща, составляющая одно сельское общество, лежитъ по обоимъ берегамъ р. Пчевжи, въ Кукуйской волости Тихвинскаго уѣзда Новгородской губерніи На лѣвомъ берегу расположена д. Большая Будогоща, на правомъ—Малая. Вокругъ —лѣса и болота, простирающіяся на десятки верстъ. Верстахъ въ восьми отъ д. Будогощи проходитъ почтовый трактъ съ Чудова на Тихвинъ. Таково положеніе интересующей насъ мѣстности; можемъ добавить, что школы въ деревнѣ этой, считающей земли на 140 душъ, нѣтъ и, несмотря увѣщанія приходскаго священника о. П. Д. Созина, предлагавшаго даже свой домъ для школы, крестьяне Большой Будогощи упорно отказываются, ссылаясь частью на недостатокъ средствъ, частью же на то обстоятельство, что «дѣды, молъ, не учились, и намъ, стало быть, не надо; въ старину люди крѣпче были да богаче жили, а грамотѣ не умѣли».

Вообще, крестьяне неохотно посылаютъ дѣтей въ школу. Причины тому, помимо выше названной—боязнъ, что ребенокъ «выше отца-матери вырастетъ», сбалуется, а затѣмъ—отдаленность школы, находящейся въ Будковѣ-сельцѣ при церкви, верстахъ въ 6 отъ Будогощи. Зимой мѣшаетъ холодъ, весной и осенью бываетъ, что р. Пчевжа разливается и затопляетъ дорогу, такъ что приходится подыматься на верхъ по бездорожью, лѣсомъ, а потомъ переѣзжать на лодкѣ; лѣтомъ же, какъ извѣстно, занятій въ школѣ не бываетъ, да если бы и были, школьникъ не могъ бы принимать въ нихъ участія: въ силу экономическихъ условій онъ уже работникъ, семья въ немъ нуждается.

Мѣстные жители занимаются главнымъ образомъ хлѣбопашествомъ, но такъ какъ своего хлѣба не хватаетъ, то имъ приходится искать заработка. Большею частью они идутъ въ лѣса рубить по найму дрова, или же—

¹⁾ Читано въ засѣданіи отдѣла этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго общества 20 окт. 1893 года.

пилить ихъ на берегу сплавныхъ рѣкъ: Оскуи и Пчевжи. Въ Петербургѣ и даже въ Чудовѣ рѣдко кто бывалъ изъ мѣстныхъ жителей. На побывавшихъ «въ свѣтъ» все смотрятъ съ особымъ вниманіемъ, особенно молодежь, замѣчая поведеніе, манеры, вообще всю внѣшность, чтобы затѣмъ воспользоваться наблюденіемъ и не отстать отъ «моды».

Подъ вліяніемъ отхожихъ промысловъ, отчасти швола ¹⁾—мѣстный говоръ утрачиваетъ постепенно нѣкоторыя древнія черты, напр. *о канье* и *мѣну џ* и *ч*, однако это явленіе случайное, спорадическое. Помимо особенностей говора, отмѣченныхъ уже проф. А. И. Соболевскимъ въ «Очеркѣ ружской діалектологіи» ²⁾ обратимъ вниманіе на слѣдующее: на пространствѣ около 25 верстъ по теченію р. Пчевжи мною сдѣланы были наблюденія на обоихъ берегахъ ея, и вотъ къ какимъ результатамъ привели онѣ.

Говоръ жителей праваго берега отличается слѣдующими особенностями.

Оканье довольно значительное: *корета*, *оптека*. *Е* послѣ мягкихъ согласныхъ и *ј* произн. какъ *јо*; *ь* постоянно = *и*; *билой*, *хлипъ*, *дило*. Членъ *отъ*, *та*, *то*—весьма частъ: *музыкь-отъ*, *бабы-тѣ*, *бабъ-тыхъ* (обычное литературное *тѣхъ* передается формою *ты ихъ*), на *лаву-ту*. Смѣшиваются падежи словъ женскаго рода: *дат.* и *род. единственнаго*, и *дат.* и *твор. мн. числа*.

Отмѣтимъ еще нѣкоторыя особенности говора правобережныхъ: очень часто *именит.* и *вин.* съ неопредѣленнымъ: *работа работать*, *соха над' чинить*, *пора лядина рубить*,—*солома возить*,—*корова доить* и т. п.

Въ 3 лицѣ *ед. числа* отсутствуетъ окончаніе *тѣ*: *вездѣ мы* или не имѣемъ его, или—форма оканчивается на *тѣ*, *те*: *идѣ*, *говори*, *кричи*, но *је*, *јесте*. Также и во *мн. числѣ* *тѣ* отсутствуетъ въ большинствѣ случаевъ, и мы имѣемъ: *пишо* (*пишутъ*), *лежо*, *скачо*, *повѣжо*, *любя*, *говоря*. Случай втораго полногласія: *гѣропѣ* (*горбѣ*), *столѣпѣ* (*столбѣ*), *смерѣдушка*, на *верѣхѣтъ*. Изъ формъ отмѣтимъ слѣдующія: «*слуськой быкотѣ* давку за болъ»; синтактическая особенность: *просить съ дат. падежемъ*: *просила брату бѣльшему*.

Все эти данныя записаны въ д. М. Будогощѣ, въ д. Градошѣ и въ д. Могилевѣ.

¹⁾ Говорю отчасти, потому что изъ 30 дѣтей школьнаго возраста ходятъ въ школу всего 3 человека, а выдержалъ экзаменъ на льготу 4-го разряда—1 за два послѣднихъ года.

²⁾ Живая Старина 1892 г., вып. II.

Перейдемъ къ говору лѣво-бережныхъ жителей. То же оканье, то же *ь=и*, но кромѣ того: мѣна *и* и *ч*; *о* всегда съ особымъ удареніемъ; *е* чистое сохраняется послѣ *й* и мягкихъ согласныхъ: пойдете; напьешься, такъ помрешь, бревно—р. бревень, повѣзетѣ; сверхъ того—мягкое *д*, *т*, произносятся какъ мягкое *з*, *к*, или близко къ тому: пойдѣмъе (пойдѣмте). Это произношеніе мягкихъ согласныхъ *д* и *т* считается въ д. Большой Будогощѣ очень красивымъ: жители ея дразнили одну молодую женщину, вышедшую къ нимъ въ деревню замужъ тѣмъ, что она не умѣла произносить *д* и *т* такъ мягко, какъ они.

Чѣмъ объяснить подобную разницу въ частностяхъ говора? Весьма вѣроятно, что съ одной стороны мы имѣемъ коренныхъ новгородцевъ (съ мѣной *и* и *ч*); съ другой—пришлое населеніе, также занявшее эту мѣстность. Финновъ въ близости нѣтъ, но въ народѣ есть преданіе о борьбѣ съ «корелой».

Этнографическій типъ мѣстныхъ жителей не одинъ: соотвѣтственно отгнѣкамъ говора и въ наружности жителей наблюдаются особенности. По лѣвой сторонѣ р. Пчевжи, въ д. Б. Будогощѣ, преобладающимъ является слѣдующій типъ: люди среднего роста (до 2¹/₂ арш.), волосы большею частью черные или темнорусые, глаза каріе, носъ умѣренный, прямой, иногда длинный, вытянутый, тонкій.

Въ д. Малой Будогощѣ, по правой сторонѣ р. Пчевжи, крестьяне преимущественно съ свѣтлорусыми волосами, съ обильной растительностью на лицѣ, часто кудрявые, съ короткимъ прямымъ носомъ и сѣрыми глазами; преобладающій ростъ—высокій. Быть можетъ это несходство является чисто случайнымъ, но мы должны указать, что наблюденія г. Богословскаго дали результаты, въ общемъ сходные съ нашими ¹⁾.

Историческихъ воспоминаній среди мѣстнаго населенія не сохранилось никакихъ, кромѣ рѣдкихъ и темныхъ упоминаній о литовскомъ погромѣ; съ нимъ связаны многочисленныя преданія о кладахъ, зарытыхъ монахами при разореніи монастырей. Такъ какъ мои свѣдѣнія о кладахъ крайне скудны, то, отсылая читателя къ Новгородскому сборнику ²⁾, я перейду къ характеристикѣ міросозерцанія мѣстнаго жителя, главнымъ образомъ останавливаясь на вѣрованіяхъ въ сверхъестественныя существа.

Тысячелѣтнее христіанство мало проникло вглубь и далеко не вытѣснило изъ воображенія крестьянина древнихъ суевѣрій. Наряду съ вѣрой въ

¹⁾ Новгородскій сборникъ, I т.

²⁾ Тт. II, 80; III, 3, 27, 37, 97, 23 и т. д.; IV, 68; V, 18, 97 и passim.

Бога и его Промыслъ мы находимъ удивительное стремленіе населять природу самыми разнообразными фантастическими существами: лѣшными, водяными и др. Не мало безпокойства причиняетъ крестьянину и нечистая сила; не даромъ говорится пословица: Богу молись да на чорта поглядывай. Впрочемъ, большинство избѣгаетъ употреблять слово «чортъ», и старается въ разговорѣ замѣнять его евфемизмами: врагъ, онъ, шишко... и др.

Оставивъ въ сторонѣ суевѣрныя примѣты и повѣрья, мы обратимся къ сказкамъ, въ которыхъ наиболѣе отразилась вѣра въ различныя таинственныя существа. Вообще, наша народная сказка, какъ и сказки другихъ европейскихъ народовъ, сложилась подъ самыми разнообразными вліяніями. Разсматривая русскія сказки, мы должны часть ихъ отнести къ такъ называемымъ странствующимъ сюжетамъ; часть ихъ представляетъ явныя заимствованія изъ литературы, и лишь о немногихъ мы вправѣ думать, что онѣ возникли на нашей почвѣ, среди нашего народа, и отражаютъ его міросозерцаніе. Въ дальнѣйшемъ мы встрѣтимся со сказками такого рода, а равно и со странствующими сюжетами, наиболѣе подвергнувшимися обработкѣ на русской почвѣ.

Обратимся прежде всего къ мѣстическому существу, о которомъ сохранилось наиболѣе всякаго рода рассказовъ, которое является то добрымъ, то злымъ и ближе всего по разнообразію своей природы приближается къ человѣку: мы будемъ говорить о лѣсовомъ или, какъ его чаще называютъ, лѣшомъ. Мѣстный крестьянинъ большую часть года проводитъ въ лѣсахъ, которыми богата эта часть Тихвинскаго уѣзда. Убравши хлѣбъ, послѣ Рождества Богородицы, уже собирается крестьянинъ въ лѣсъ. Съ наступленіемъ саннаго пути онъ съ лошадыю рядится вывозить срубленный лѣсъ и до оттепелей весеннихъ занимается этимъ. Весной, послѣ Святой, опять идетъ онъ уже пилить дрова на берегъ рѣки, по которой дрова сплавляются на продажу. Очевидно, что при такомъ родѣ жизни нашъ крестьянинъ имѣетъ много данныхъ интересоваться таинственными обитателями лѣса. Часто, въ зимовкѣ, цѣлыми ночами рассказываются сказки одна другой фантастичнѣй, и каждый гулъ вѣтра, движеніе куста или дерева, осыпаннаго снѣгомъ, стонъ звѣря, разнесшійся въ лѣсной глуши, даютъ поводъ и тему для новыхъ рассказовъ подъ вліяніемъ чутко настроенной фантазіи.

Лѣсовой представляется въ сказкахъ высокимъ, иногда вышиною съ лѣсъ, человѣкообразнымъ существомъ. Онъ похожъ на кустъ, густо покрытый вѣтвями. Вотъ какой случай рассказывали мнѣ. Недавно, зимой 1892 года, въ Петровскомъ погостѣ мѣстный лавочникъ закрылъ уже свою лавку и собрался спать. Была полночь. Вдругъ стучитъ кто-то въ окно: «отвори!»

Лавочникъ отвѣчаетъ, что поздно уже; тотъ не слушаетъ: знай свое твердить, да въ домъ ломится. Отперъ лавочникъ двери; вошелъ мужикъ большой-большой, едва въ кабакъ помѣщается. «Давай», говоритъ, «четверть вина!» Налилъ лавочникъ четверть; выпилъ тотъ, крякнулъ, закусилъ селедкой да вязкой кренделей и другую четверть велитъ налить. И эту выпилъ и третью и всё ведро. Денежки подожилъ да и говоритъ: «сѣ зиму много звѣрья буде у васъ». Сказалъ и ушелъ. И подлинно: столько звѣрья было, какъ никогда.

Лѣсовой въ особенной дружбѣ живетъ съ пастухами, которые знаютъ заговоръ и нанимаютъ лѣсовыхъ на службу пасти стадо и охранять его отъ всякихъ случайностей и нападеній звѣрей. Обыкновенно весной колдунъ отправляется въ лѣсъ, садится на осиновый пенъ и, прочитавъ заговоръ, договаривается съ лѣсовымъ, который немедленно является на зовъ; его можно узнать во первыхъ, по огррмному росту, а кромѣ того онъ всегда безъ бровей, никогда не подпоясывается и лѣвую ногу накидываетъ на правую (ср. Новгородскій сборникъ, I, стр. 284).

Вотъ какъ рассказывалъ объ этомъ очевидецъ, крестьянинъ д. Градоши Прокопій Никифоровъ, съ которымъ частенько разныя чуда бывали.

Въ Ильинъ день, послѣ обхода съ крестами, пастухъ градоськой за гналъ скоть въ лошину, а Прокопій тутъ и случись; и видитъ онъ, что пастухъ что-то ладить собирается. Дай-ко, думаетъ, посмотрю. Сталъ, смотритъ через ногу и видитъ: сидитъ пастухъ на осиновомъ пнѣ, а передъ нимъ цѣлая артель враговъ, а по срединѣ одинъ такой большой-большой. И спрашиваетъ онъ пастуха: «Выбирай себѣ любовь, которой взглянется». А пастухъ ему:— «Выбирай самъ, ты лучше знаешь своихъ-то!» Лѣсовой ему подумавши и говоритъ: «бери вотъ этого, кривого, онъ тебѣ послужи».— «Ну, ладно».— Кривой вражонокъ какъ схватитъ лозину, да какъ крикнетъ—и повалилъ скоть по дорогѣ, а большой то и говоритъ пастуху: «смотри только, какъ станешь загонять—иди по слѣду, а навстрѣчу не ходи: всё дома будутъ. И сгнули всё. Прокопій Никифоровъ перекрестился, да что есть духу домой.

Какъ существуетъ лѣсовой—лицо мужескаго пола, такъ точно воображеніе крестьянъ создало и пару ему. Вотъ рассказъ о бабѣ лѣсовихѣ.

Далеко отъ всякаго жилья, въ лѣсу, была у одного мужика земля, на ней усадьба поставлена и жилъ онъ советѣмъ одинъ. Разъ заходитъ къ нему прохожій и просится почевать. Мужикъ пустилъ его, накормилъ и спать уложилъ, а на утро, когда тотъ сталъ ему за ночлегъ денегъ давать, не взялъ, отказался. Вотъ и говоритъ ему прохожій: «жаловался ты, что со скотиной тяжело, что кругомъ лѣсъ, что скотина бываетъ заблудится, бы-

вать звѣрье обидить. За хлѣбъ-соль поставлю я тебѣ пастуха: утромъ ты изъ воротъ выгони,—ввечеру придуть къ воротамъ сами, только во дворъ загни. Но не ходи ты смотрѣть стада, когда оно выгнано».

И вправду стало такъ: ходить скотина цѣлый день—къ вечеру домой вернется сытая, молова много. Ходило стадо такъ три года, только и пришло въ умъ мужику: «какой же я хозяинъ, что не знаю кто у меня скотину пасетъ!» Сказалъ онъ и пошелъ въ лѣсъ стадо искать. Нашелъ скоро: видитъ пасется оно, а съ краю полянки стоитъ высокая-высокая старуха, опѣршись ничкомъ на палочку; дряхлая такая старушка, и всё качается, будто дремлетъ. Мужикъ-отъ подошелъ къ ней, потянулъ её за руку да и говоритъ: «бабушка, лягъ, отдохни!» А она ему: «спасибо, кормилецъ, спасибо, спасибо»... закачалась, стала меньше, меньше—и вовсе сгинула. Подивился мужикъ, пошелъ домой, а съ тѣхъ поръ скотъ пересталъ одинъ въ лѣсъ ходить, надо было мужику пастуха нанимать.

Лѣсовые иногда уводятъ дѣтей и воспитываютъ ихъ у себя въ лѣсахъ. Дѣти дичають, перестаютъ понимать человѣческую рѣчь и носить одежду. Лѣтомъ 1893 г., въ Крестоцкомъ уѣздѣ, въ д. Ямницы былъ слѣдующій случай. Четыре года тому назадъ лѣсовой увелъ ребенка, мальчишка лѣтъ 13. Ниче мальчикъ этотъ воротился; весь онъ былъ покрытъ кожей, толстой какъ кора, отъ одежды остался только воротъ, а сверхъ того, мальчикъ забылъ совершенно говорить и съ трудомъ учился теперь вновь. Такое обстоятельство крестьяне объясняютъ тѣмъ, что 4 года тому назадъ мать или отецъ «сбранили» или прокляли подъ сердитую руку ребенка, а всѣхъ проклятыхъ берутъ себѣ тѣ изъ нечистыхъ, въ области котораго имѣлъ мѣсто фактъ: дома—домовой, въ водѣ—водяной, въ лѣсу—лѣсовой ¹⁾

Нѣсколько менѣе чѣмъ о лѣсовомъ мы знаемъ о водяномъ; водяной, или, какъ называютъ его крестьяне, омутникъ живетъ въ глубокихъ омутахъ рѣкъ и озеръ. Онъ помогаетъ рыбакамъ ловить рыбу, но порой, когда разсерженъ или обиженъ ими, разрываетъ имъ сѣти, или распугиваетъ рыбу; иногда онъ утаскиваетъ къ себѣ на дно неосторожныхъ пловцовъ. Вотъ какъ описывалъ мнѣ встрѣчу съ водянымъ одинъ изъ моихъ знакомцевъ, жителей д. Малой Будогощи. «Въ темную осеннюю ночь провалился я около плотины въ рѣку и кое какъ чудомъ выползъ потомъ на берегъ. Упалъ я, хочу выскочить—глядь, а меня кто-то тянетъ. Я посмотрѣлъ: вижу весь онъ мохнатый: ровно метла лицо то. Держитъ онъ меня когтами и не пускаетъ. И руки, и ноги у меня ровно окованы. За тулупъ вода холодная, слышу, льется, а онъ смотритъ: глаза то у врага водянаго такъ и горятъ. Перекрестился я, да

какъ хвачу его! Не помню, какъ и на берегъ то выползъ: люди подняли меня ровно мертваго».

Но случается, что водяной или омутникъ является порой въ болѣе привлекательномъ, человѣкоподобномъ видѣ. Рассказываютъ, будто однажды омутникъ изъ Криваго омута на р. Пчевжѣ являлся просить помощь у Будогожскихъ мужиковъ. Дѣло было такъ.

Въ Петровъ день были Будогожскіе мужики въ часовнѣ. Выходя оттуда, видятъ они старичка, который говоритъ имъ: «Помогите мнѣ добрые люди».

— «Кто ты такой,» спрашиваютъ мужики, «и чего тебѣ нужно?»

«Я здѣшній омутникъ», отвѣчаетъ старичекъ; «забрался въ мой омутъ чужой омутникъ: житья мнѣ нѣтъ отъ него. Помогите, выгоните его изъ моего омута». Забоялись они, спрашиваютъ: «какъ же мы его выгонимъ»? А онъ имъ: «возьмите стяжьё и идите къ омуту. Подымется, пойдетъ на берегъ валь, за нимъ другой, такъ вы по первому и бейте стяжьёмъ, а втораго не троньте—это я буду». Собрались, пошли, стали на берегу. Набѣжалъ первой валь—ударилъ по немъ мужики, а одинъ то промахнулся да во второй и угодилъ. Глядь—стоитъ въ водѣ тотъ свой омутникъ. И палка у него въ глазу торчитъ. Обругался омутникъ: «куда», говоритъ, бросаешъ!» и палку назадъ мужику выкинулъ. Такъ и прогнали чужаго омутника, а свой вышелъ изъ воды на берегъ и много имъ изъ кнсы на берегъ серебра насыпалъ и говоритъ: «Верите, ребятушки, сколько кому нужно!» Мужики отказались, не взяли.—«Мы», говорятъ, «не за деньги брались выгонять, а такъ, своему хотѣли помочь: «И хорошо сдѣлали, что не взяли ничего», сказала рассказчица, еслибъ взяли, то всё равно деньги въ черепѣ дома обернулись бы) ¹⁾. И омутникъ за такое безкорыстіе ихъ общался, что не будетъ народъ тонуть у нихъ на перевозѣ: «и выше и ниже—будутъ, а у васъ на перевозѣ—никого?».

Теперь перейдемъ къ другимъ остаткамъ языческихъ божествъ, къ домашнимъ мнѣческимъ существамъ. О домовомъ уже достаточно было и писано, и говорено; обратимся къ менѣе извѣстнымъ—банному и рижному хозяину.

Банный въ большинствѣ рассказовъ является добродушнымъ шутникомъ. Это крайне шаловливый духъ: онъ иногда принимаетъ видъ различныхъ

¹⁾ О превращеніи бѣсовскихъ денегъ въ уголья см. у Аванасьева. Народныя русскія легенды М. 1868 стр. 167. Опытъ мнѣологическаго объясненія см. въ его же статьѣ: «Мнѣческая связь понятій свѣта, зрѣнія, огня, металловъ и пр.» въ Архивѣ историко-юрид. свѣд. о Россіи, т. II, отд. 2.

людей и такимъ образомъ морочить деревенскій людъ. Въ банѣ поселяется онъ послѣ того, какъ въ ней побываетъ роженица, моется и парится послѣ хозяевъ ¹⁾). Вотъ что рассказываютъ въ д. М. Будогощѣ о банномъ:

Приѣхалъ въ деревню торгошъ. Просится ночевать; и была у хозяевъ баня топлена, и въ той баннѣ чудилось. Торгошъ пошелъ съ мужиками: вымылись, выпарились, дома чай съли пить, а потомъ и спать легли. Послѣ мужиковъ пошли двѣ невѣстки и дѣвка, а старуха та дома осталась съ мужиками. Приходятъ въ баню, раздѣлись въ передбанникѣ, входятъ въ самую баню а тамъ на полку кто-то лежитъ и ноги раскарачилъ: видятъ— торгошъ. «Ахъ, ты, безсовѣстной, озорной!» говорятъ бабы,—и домой. Пришли, на торгоша жалуются: тотъ спитъ себѣ и съ избы не выходитъ. А показался то подъ видомъ торгоша баенной.

Здѣсь дѣло кончилось шуткой, а въ другой разъ и хуже было.

«Сиди вечеромъ мужикъ въ избы, и подѣзжае тройка. Вылѣзъ баринъ, велѣлъ приготовить чаю, созвать посидку, да и говоритъ хозяину: «стопи мни-ка байну, да найди человека, чтобъ меня помылъ да попарилъ, а я за все сто рублей дамъ». — «Какъ за сто рублей не найти человека», говоритъ мужикъ,—«да вотъ баба моя и вымоетъ те и попаритъ». «Ладно». Стопилась баня, баринъ пошелъ мыться, посидка разошлась. Ждетъ мужикъ за самоваромъ, чтойто долго съ байны нейдуть. Ждалъ—пождалъ, да и спрашиваетъ у кучера: «что, молъ, пора бы и изъ байны быть»? А тотъ ему:—«нашъ баринъ люби долго париться!» Пождалъ мужикъ еще: нѣтъ, нейдетъ ему: пойду, думаю, погляжу, что они тамъ мѣшкаютъ. Подходи къ байнѣ и глѣди въ окошко: и види: сиди баринъ на полку и съ бабы кожу сымае. Онъ какъ закричитъ, да побѣжить за народомъ! Прибѣжали: баня отворена, на окошкѣ сто рублей денегъ, на полку баба ободрана лежи, а барина нѣтъ. Побѣжали къ избы: и кучера и тройки какъ не бывало».

Рижный хозяинъ въ великорусскихъ сказкахъ является существомъ преимущественно трусливымъ и завистливымъ. Его легко напугать и прогнать. Но тѣмъ не менѣе надо крестьянину жить съ нимъ въ ладу, иначе онъ сожжетъ гумно и уничтожитъ весь хлѣбъ, свезенный туда. Такъ однажды, не влюбилъ рижный одного мужика и сжегъ у него ригу; построился мужикъ заново, а рижный опять сжегъ. И въ третій разъ построился мужикъ, и вотъ что случилось: Въ прежнее время водили медвѣдей. Вотъ пришелъ въ

¹⁾ Срв. Новгородскій сборникъ, I, 284—6.